

АФАНАСИЙ АФАНАСЬЕВИЧ ФЕТ

Лишь сын шинкарки из-под Кенигсберга
Так рваться мог в российские дворяне
И так толково округлять поместья.
Его прозвание Афанасий Фет.
Об этом, впрочем, нам не надо знать —
Как втёрся он в наследственную знать.
Не надо знать! И в этом счастье Фета.
В его судьбе навек отделена
Божественная музыка поэта
От камергерских знаков Шеншина.
Он не хотел быть жертвою прогресса
И стать рабом восставшего раба.
И потому ему свирели леса
Милее, чем гражданская труба.
Он этим редок, Афанасий Фет.
Другие, получив свои награды,
Уже совсем не слышали природы
И, майской ночи позабыв отрады,
Писали твердокаменные оды.
А он, с почтеньем спрятав в гардеробе
Придворные доспехи Шеншина,
Вдруг слышал, как в пленительной природе
Ночь трелью соловья оглашена.
Открыв окно величию вселенной,
Он забывал про действенность глаголов.
Да, человек он необыкновенный.
И что за ночь! Как месяц в небе молод

Это стихотворение одного из юбиляров 2020 года Давида Самойлова исчерпывающе описывает биографию Афанасия Афанасьевича Фета.

Дело в том, что в 1820 году в семье Афанасия Неофитовича Шеншина родился мальчик, которого называли в честь отца – Афанасием. Он и рос как барчук в родовом гнезде Шеншиных - деревне Новосёлки Мценского уезда Орловской губернии.

Отец его, Афанасий Неофитович, принадлежал к старинному дворянскому роду, однако знатность не значила богатство. Шеншин старший с семнадцати лет был на военной службе, участвовал в сражениях, награждён орденами. Однако со времён военной службы у Афанасия Неофитовича накопились долги. Возможно, именно это наложило отпечаток на его характер, маленький Афанасий запомнил отца человеком, сумрачным, сухим, крайне сдержанным.

Была ещё забота, не оставлявшая Шеншина-отца. Это история его женитьбы и рождение первенца. Сорока четырёх лет он отправился в Германию, в город Дармштадт, на излечение. Там он встретил Шарлоту Беккер, дочь зажиточных бюргеров. Точнее, Шарлота носила фамилию мужа – Фёт. Афанасий Неофитович влюбился и уговорил Шарлоту бежать с ним в Россию. В России, вскоре по приезде, Шарлота и родила сына, будущего русского поэта. Всё бы хорошо, но обвенчались Шарлота и Афанасий Неофитович только через два года. И это обстоятельство для Шеншина младшего обернулось большой бедой.

А пока он живёт себе в родовом имении среди дворовых людей, среди крестьян. Исследует окрестные овраги в поисках земляники, катается на деревенских лошадках, словом, проходит обучение в самой главной для поэта школе – естественной, непосредственно-жизненной школе, учителя в этой школе – природа и живые впечатления бытия. Но впечатления впечатлениями, но для поэта важно ещё и слово, язык. Русский язык, ведь для Афанасия родным был не только русский, но немецкий, родной язык его матери.

Нечаянными воспитателями, первыми учителями были дворовые девушки, прявшие в девичьих. Там мальчик узнавал самые свежие новости обо всём, что творилось в господском доме. Он вскакивал ни свет ни заря, пробирался

в девичью и, устроив домик из собственной ночной сорочки, слушал, слушал, слушал тихие разговоры дворовых о том, что у отставного дедушкиного повара Игната Семёновича разболелась голова, а Павел–буфетчик в той же избе стал на щипок отхватывать «барыню», и как Игнат Семёнович не посмотрел, что Павел с барского верха, и расколотил ему балалайку; как третьего дня хоронили мать дурочки Акулины, и как дурочка чудесно по ней голосила: «Сестрицы родимые, вскиньтесь белыми голубками, прилетайте поплакать надо мной, сиротинкой» Горничная Прасковья была мастерицей рассказывать сказки про жар-птицу, про то, как царь на походе стал пить из студеного колодца и водяной, схватив его за бороду, стал требовать того, что он дома не знает.

А ещё барчук обязательно принимал участие во всех народных обрядах: на масленицу – катанье с гор, на «сорок мучеников» выходил на проталины к деревенским ребятишкам с жаворонками из белого теста и, подбрасывая их, кричал со всеми: «Чувиль - чувиль, жаворонки!», на «Красную горку» не пропускал хороводы. Шеншин младший, как любой деревенский мальчишка, обожал не только разговоры да сказки, он обожал лошадей, ведь верховая езда – путь приобщения мальчика к взрослому мужскому миру. Своей лошадки у него не было, зато он старался так подгадать прогулку, чтобы прокатиться на лошади старосты, которую тот ставил в загон. Мальчик отвязывал коня и ездил вдоль стен. И однажды чуть не лишился жизни. Ему показалось, что выход из стойла достаточно высок, чтобы всадник спокойно мог выехать. Мальчик разогнал лошадь, пригнулся, но страшный удар повыше левой брови выбил его из седла. Он не сразу пришёл в себя, но, (вот что значит мальчишка!) не заплакал, а, опасаясь наказания, невзирая на страшную боль в пояснице, для сокрытия следов преступления, взял лошадь за повод и привязал там, откуда её увёл.

Но пора было думать о науках. Афанасию шёл седьмой год, когда его начали учить грамоте, сначала крепостной, мужик Афанасий, отменный повар, но педагог никакой. Мальчик едва научился разбирать славянские буквы. Затем наняли учителя-семинариста, который принялся учить маленького Шеншина правилам грамматики, не выучив читать, но этот учитель получил хорошее место в Орле и быстро уехал. Учил мальчика и парикмахер деда Филипп Агафонович, который сам был неграмотным, но заставлял

мальчика читать молитвы, а сам тут же засыпал. Афанасий возмущался:

-Филипп Агафонович, да ведь вы меня не слушаете!

-Всё время, батюшка, слушал, да уж так-то вы сладко читаете, что я и задремал...

Когда мальчику шёл десятый год, к нему наняли нового учителя-семинариста, Василия Васильевича. Этот принялся за дело серьёзно. Языки русский и латинский, всемирная история. Для пользы дела и для компании решено было обучать вместе с Афанасием сына приказчика Митьку, но мальчишки думали вовсе не о древнегреческих героях. Они устроили западню под окном, и как только крышка ловушки хлопала, неслись проверять, кто попался. Курс древней истории, правда, оставил след: Митька оказался великим искусником в выделке оружия, и, вооружившись луками, мальчики отчаянно сражались, выкрикивали: Гораций! Курьяций!

Несмотря на такое обучение, маленький Афанасий приохотился к чтению. У него оказалась отменная память на стихи. Заучивая заданную поэму Тассо, он наткнулся в этой книге на поэмы Пушкина, восторженное отношение к стихам которого Фет сохранил на всю жизнь.

Мальчик жил дома до четырнадцати лет. Затем Афанасий Неофитович решил отправить детей в специальные учебные заведения. Так Афанасий Шеншин попал в пансион Крюммера в маленьком эстонском городке Верро (нынче Выру). Образ школьной жизни был аскетичен, однообразен, но преподавание велось хорошо, особенно математика и другие естественные науки.

Отрочество, казалось, будет ничем не омрачено, но именно в пансион Крюммера как-то пришло письмо для Афанасия, но уже не Шеншина, а Фёта, да именно так. Красивая фамилия Фет, что мы знаем, появилась в результате ошибки какого-то писаря. Для подростка это был удар. Он рос как наследник старинного дворянского рода, а оказался изгоем. Дело в том, что он родился до того, как его родители обвенчались, следовательно, он не может считаться законным сыном Шеншина. Он терял всё, даже право на наследство. Из дворянина он в один момент превратился в разночинца, из коренного русака в иностранца и обязан был ставить подпись: «К сему иностранец Афанасий Фет руку приложил».

Так закончилось детство. Катастрофа наложила отпечаток на всю дальнейшую жизнь Фета. Он изо всех сил старался вернуть себе утраченное – снова стать Шеншиным, русским дворянином и помещиком, стать богатым, добиться надёжного и почётногo положения в обществе. Он стал внешне угрюм, мрачен, однако разбогател, стал камергером. К счастью, песенного дара вся эта история не коснулась и те, кто жить не может без подлинной поэзии, открывают поэтические книги не камергера, а великого поэта Афанасия Афанасьевича Фета.